

Автор: Олейник Н.

В психотерапевтической практике большинство запросов приходится на коррекцию межличностных отношений. Клиенты более всего не удовлетворены отношениями с супругами, детьми, родителями, переплетенными в причудливый и зачастую болезненный клубок взаимоотношений. Существует еще одна сфера семейных отношений, которая озвучивается в терапии намного реже, но является не менее важной ее частью — взаимоотношения с родными братьями и сестрами. Традиционно взаимодействию детей в семье пристальное внимание уделяется детской психологией, дающей множество рекомендаций родителям по налаживанию отношений между детьми. Особенности взаимоотношений между братьями и сестрами, выросшими и покинувшими родительский дом, создавшими свои собственные семьи, в психологии освещены намного меньше. Став взрослыми, братья и сестры зачастую остаются в плену своих детских обид, ревности и соперничества по отношению друг к другу. К сожалению, лишь немногие взрослые люди могут уверенно сказать, что у них сложились теплые отношения с братом или сестрой, наполненные дружбой, любовью и взаимной поддержкой. А ведь даже в словах брат и сестра заложен потенциал бескорыстной любви и близости. Недаром и христиане, и мусульмане называют своих единоверцев братьями и сестрами.

Но, если говорить откровенно, история человечества хранит гораздо больше примеров вражды и соперничества между детьми из одной семьи, нежели взаимной любви и беззаветной преданности. Хрестоматийный пример — отношения Каина и Авеля, вовсе не похожие на семейную идиллию. И среди библейских легенд это далеко не единственный пример, когда в основе взаимоотношений лежат соперничество и зависть детей одних родителей друг к другу. В русских сказках также немало историй, в которых старшие братья всячески изводили или даже убивали младшего (обычно Ивана) только потому, что ему улыбнулась удача и он сумел выполнить все задания батюшки-царя (яблоки молодильные раздобыл, царевну прекрасную выкрал или жар-птицу поймал). И родителям в итоге приходилось признавать, что старшие да любимые дети их предали, а вот младшенький — дурачок или лентяй — оказался хорошим сыном. Об отношениях между сестрами упоминаний несколько меньше, но и они

неутешительны. Стоит вспомнить шекспировский сюжет о «взаимной любви» дочерей короля Лира или сказку Пушкина «О царе Салтане...», созданные на основе народных сказаний. Исторически роль женщины сводилась к удачному замужеству, и нередко к мужу прилагались власть и богатство. Так что принцип «кто успел, тот и съел», на котором основывалось соперничество сестер, легко можно объяснить. Исходя из многих мифов и сказок, кровное родство никогда не было синонимом согласия и взаимопонимания, по крайней мере на уровне братско-сестринских отношений. Тем не менее, многие родители решаются родить второго-третьего ребенка для того, чтобы у детей была опора и поддержка близких людей, когда самих родителей не останется в живых.

Если просмотреть хотя бы поверхностно статьи, посвященные отношениям братьев и сестер в семье, то можно заметить, что большинство из них посвящены теме соперничества за внимание родителей, жесткой конкуренции детей между собой, ссорам и дракам. Складывается впечатление, что братско-сестринские отношения имеют лишь негативную коннотацию, а позитивные образцы отношений между детьми крайне малочисленны. В литературе примеры дружбы, беззаветной любви и взаимовыручки между братьями и сестрами можно найти в сказках «Снежная королева»,

«Дикие лебеди», «Сестрица Аленушка и братец Иванушка», в которых сестры преодолевают препятствия, проходят испытания и совершают настоящие подвиги ради своих братьев. К положительным примерам можно причислить также книги Астрид Линдгрен «Братья Львиное Сердце» и «Все мы из Буллербю», Анне-Катрине Вестли «Мама, папа, бабушка, восемь детей и грузовик», В. Крапивина «Колыбельная для брата». К сожалению, данные авторы и их книги с трогательными историями взаимоотношений между братьями и сестрами намного меньше известны, чем негативные примеры из мифов и сказок.

Стоит ли удивляться, что внимание авторов психологических статей направлено на коррекцию конфликтных отношений между братьями и сестрами, но очень мало уделяется внимания формированию дружбы, любви и взаимопонимания между детьми. Построение гармоничных отношений между братьями и сестрами по-прежнему остается тайной за семью печатями. Я попробую на примере истории своих отношений со старшим братом восполнить этот пробел и поделюсь опытом более гармоничных отношений между братом и сестрой, чем это принято описывать, и попытаюсь разобраться в истоках подобных взаимоотношений.

Итак, читатель, наша с братом история...

Возможно, я никогда не появилась бы на свет, если бы не мой старший брат Сергей. Родителям вполне достаточно было одного ребенка, о втором они и не думали, но у моего брата в его шестилетней голове были свои планы на этот счет. Кто ему рассказал, что детей покупают в роддоме, неизвестно, только в один момент мама начала замечать, что из шкатулки, в которую складывались две зарплаты, стали пропадать деньги. Поначалу вроде бы небольшие — три, пять рублей, но когда стали исчезать десятки и четвертные, был собран семейный совет на тему «Кто берет деньги»? Когда мама с папой выяснили, что ни один, ни другой деньги не брал, догадались спросить у маленького Сережи, не знает ли он, кто взял.

— Я взял, — признался Сережа.

— Зачем? — оторопели родители.

— Я на сестричку деньги собираю. Что я расту у вас один, нет у меня ни брата, ни сестры! Вот соберу денег и куплю себе в роддоме сестру.

Родители настолько впечатлились выходкой сына, что подумали: может быть и правда стоит родить еще одного ребенка? Так в планах семьи появилась я. Причем ждали именно девочку, никакой другой вариант не рассматривался. Мама рассказывала эпизод — она уже лежала в роддоме в ожидании меня, папа и Сережа пришли ее навестить. Первый этаж роддома, невероятно теплый октябрь, разговор у открытого настежь окна палаты:

— Сережа, сыночек, нет девочек, дают только мальчиков (действительно, в палате рождались одни мальчики). Давай возьмем мальчика?

— Жди девочку! — решительно ответил Сережа и отошел от окна.

Известно, что устами младенца глаголет истина — так родилась я.

Брату я обязана не только шансом появления на свет, но и своим именем, поскольку мама, папа и бабушка никак не могли договориться об имени для девочки. Перебирали разные варианты, но ни один взрослых не устраивал. В качестве третейского судьи привлекли моего брата:

— Сережа, как ты хочешь чтобы сестричку звали?

— Натальей.

Как старший брат сказал, так в свидетельстве о рождении и записали.

Выписка из роддома, радостные родственники и друзья родителей едут забирать меня и маму, Сережа приезжает к роддому, крепко зажав в кулаке соску — вдруг сестричка будет плакать, а соски нет? Взрослые про соску забыли, а старший брат позаботился и о

такой мелочи.

Серёже было 7 лет, когда родилась я — в сентябре он пошел в первый класс. Как раз в эту осень вокруг нашего дома, где мы жили, начали менять коммуникации, дороги превратились в непроходимые траншеи, мама не могла с коляской выйти из дома. Потому мой брат не только сам ходил в школу, но и шел после уроков на молочную кухню за смесью для своей младшей сестренки.

Мое первое воспоминание, с которого я помню себя: мне два года, я стою в своей детской кроватке, держась за прутья, брат катает меня в кроватке на колесиках по комнате, и мы оба залиvistо смеемся. Спасибо брату за такую счастливую точку отсчета моей сознательной жизни, я бесконечно благодарна ему за это воспоминание. Просто бесценный подарок!

В раннем детстве мир ребенка невелик, и в основном он заполнен семейным кругом — мама и папа, братья-сестры, бабушки-дедушки, иногда ближайшие родственники или соседи. И в моем детстве были любящие мама с папой, бабушка, но никто из взрослых не занимал в моем мире столько места, как брат. Что мы только не делали вместе! Серёжа читал мне книги, катал на велосипеде, учил меня стрелять из рогатки (да-да, у меня была своя рогатка!) и из ружья в тире, мы вместе лазали через забор в соседский сад, вместе собирали машинки из конструктора, играли в настольные игры, катались на санках с горки, лепили снеговиков и устраивали снежные баталии.

Иногда зимними вечерами мы с братом доставали проектор, вставляли в него диафильмы и в свете белого луча проектора оживляли героев волшебных сказок. Я и сейчас вижу перед собой картинки любимой сказки «Госпожа Метелица» и слышу голос брата, читающего мне сказку. Восхитительные, волшебные моменты детства, оставшиеся в памяти на всю жизнь.

Я болею, у меня сильная ангина, нужно принимать горькое лекарство, на все уговоры мамы я отказываюсь пить его наотрез.

— А хочешь, я буду пить лекарство вместе с тобой? — предлагает Сережа.

— Хочу, — соглашаюсь я, и разделенное с братом лекарство становится менее противным. Маленький подвиг любящего брата ради сестренки. Однако мы умели делить на двоих не только горькое лекарство, но и сладости. Брат страшный сладкоежка и очень любит шоколадные конфеты. Получив на Новый год по подарку, мы тут же их делим — я отдаю брату шоколадные конфеты, а он мне карамельки и леденцы, и никаких ссор или обид. Последнюю конфету или кусочек торта брат оставлял мне, а я подсовывала ему обратно, в этом состязании великодушия обычно выигрывала я — Сережа очень любил сладкое, я же была к нему равнодушна, и после недолгих препирательств брат сдавался и с удовольствием съедал мою долю сладостей.

Когда я была маленькой, больше всего я любила, когда из детского сада меня забирали брат. Хорошо помню один момент: лето, брат вместе с друзьями после занятия картингом целой толпой заходят забирать меня из садика. Увидев брата, я вылетаю со второго этажа нашего корпуса и с разбега повисаю у него на шее:

— Сережа! — меня обдает смесью запахов бензина, машинного масла, запыленной кожи, но это самый лучший, самый родной запах на свете. Дорога домой из детского сада вместе с братом полна захватывающих приключений и невероятных открытий. Мы не торопясь могли обойти все магазины, какие нам только попадались по пути. Иногда возвращались домой новой дорогой, которой не ходили каждый день, рассматривая по пути новые дома, детские площадки, палисадники, цветы. После таких прогулок возвращались домой с подобранными котятами, щенками, раненой птичкой, один раз даже черепаху нашли. У вечно спешащих взрослых нет времени на такие неспешные прогулки, а с братом можно было так спокойно и обстоятельно исследовать мир.

Обычно старших детей обязывают присматривать за младшими братьями или сестрами, что вызывает у старших стойкое нежелание возиться с малышами. Навязывая старшим детям роль няньки, родители закладывают мину замедленного действия в отношениях между детьми. Старших раздражает вмешательство младших в их игры или увлечения, обязанность присматривать за ними в ущерб собственному свободному времени, а младшие навсегда запоминают, как от них пытались отделаться при любом удобном случае, и выдают агрессию в ответ. Таким образом незаметно, еще в детстве зарождается конфликт между старшими и младшими детьми в семье, накладывая свой отпечаток на их дальнейшие отношения.

У нас с братом, к счастью, было совсем не так. Сережа не отказывался брать меня с собой, когда уходил гулять с друзьями или шел в кино. Очень хорошо помню, как мы собираемся в кино, мама надевает на меня платьице, завязывает банты, брат берет меня

за руку, его лучший друг Валерка берет меня за другую руку, и вместе с их приятелями мы идем в кино — десяток мальчишек и я, единственная девочка. Никому из мальчишек в голову не приходило возразить против моего присутствия в их компании. Если Сережа берет с собой сестру, значит, так надо (хотя сами они не брали с собой своих братьев или сестер). В детский кинотеатр мы ездили на другой конец города, к кино прилагалась поездка на трамвае, игра в «Морской бой» в игровых автоматах, а также вожделенное мороженое. Из-за моих хронических ангин родители крайне редко покупали мне мороженое, а если и покупали, то обычно подтаивали его и давали мне его в виде молока в стаканчике. Можете представить себе большую гадость, чем растаявшее мороженое? А брат на выданные на кино деньги покупал мне мороженое. В моем детстве тогда не было вкуснее лакомства, чем купленный тайком от родителей пломбир за 20 копеек! Самое интересное, что из-за съеденного мороженого я не заболела ни разу! Не могла же я выдать наш с братом секрет! Смотреть в кино самый известный ужастик нашего детства фильм «Вий» было вовсе не страшно; если крепко держишь брата за руку, никакие чудовища не страшны.

Однажды на психотерапевтической группе нас попросили вспомнить и записать свои детские страхи. Я несколько минут сидела перед чистым листом, но так и не могла вспомнить ни одного ужасного страха из своего детства. Мне были неведомы обычные детские страхи — я не боялась темноты, мышей, червяков, пауков, уколов, не боялась, что меня забудут забрать из детского сада, не боялась потеряться на улице, даже в кабинет к стоматологу я заходила без родителей. Разве что трусила кататься на санках с самой крутой горки, с которой катались мальчишки, но это не тот страх, что отравляет жизнь. Со страхом смерти я впервые столкнулась после скоропостижной смерти двоюродной бабушки, но мне тогда было 11 лет, возраст не совсем детский. Могу только предположить, что подобное бесстрашие основывалось на незыблемом чувстве защищенности, которое дали родители и старший брат. Думаю, что в особенности — старший брат, поскольку он постоянно был рядом, и одно его присутствие было гарантом безопасности. У меня была твердая уверенность, что брат — мой защитник и заступник, который всегда и везде придет на выручку, защитит от любой беды и напасти, убережет и спасет, и нет такой силы, которой он не может превозмочь на своем пути. Когда мы вместе с родителями всей семьей ходили в гости, в кино или в парк, выходя за порог дома, я автоматически брала за руку не маму, не папу, а старшего брата. Как-то мама мне призналась, что даже ревновала меня к Сереже, поскольку считала, что брата я люблю больше, чем ее. Как мне кажется, мама была не так далека от истины.

Когда я пошла в первый класс, брат с гордостью вел меня за руку в школу, а его 8 А класс взял над нами шефство. Сережины одноклассники знали, что я его сестра, и на новогодней елке, которую устроили для нас старшеклассники, завалили меня подарками. В коробке с моими детскими игрушками до сих пор хранятся кукла и котенок, которых мне подарили одноклассники брата на первой школьной елке. Были в моем детстве и другие новогодние подарки, но почему-то сохранились именно эти, подаренные младшей сестренке одноклассника. В начале первого класса уроки помогала мне делать мама, а потом как-то незаметно обязанность проверять мои уроки перешла к брату. Вечером, когда родители приходили домой с работы, мы бодро рапортовали, что уроки сделаны, родители лишь проверяли дневник и ходили на родительские собрания, а в наши приготовления уроков не вмешивались. Брат помогал делать уроки мне, а я выступала в роли восхищенного зрителя, когда он показывал мне опыты по химии или репетировал фокусы для школьного вечера. Нам было не скучно вместе.

Из всего вышесказанного можно предположить, что мы с братом не расставались ни на минуту, как сиамские близнецы. Вовсе нет — у брата были свои друзья, свои мальчишечьи увлечения, свой круг общения. Так и у меня были подружки, куклы, девчачьи игры, я рано научилась читать и пропадала с книжкой где-нибудь в укромном уголке, в котором меня еще надо было найти. И ссорились мы как обычные дети, но нашей ссоры хватало ровно на один день, потом брат приходил ко мне мириться, я радостно принимала его предложение, мы обыгрывали свой собственный ритуал примирения («миришь-миришь-и-больше-не-дерись») и продолжали играть дальше. Мы отчаянно скучали друг по другу, стоило нам расстаться даже на несколько дней. Если я гостила у бабушки или двоюродных сестер, дня через два-три Сережа приезжал забирать меня домой и обычно говорил, что ему дома скучно одному.

Самую длительную разлуку мы пережили, когда брат ушел служить в армию. Сережа попал на службу в погранвойска. Можете только представить, сколько мною книг о пограничниках было перечитано, сколько фильмов пересмотрено?! Вряд ли можно найти другие войска в нашей армии, овеянные флером романтики больше, чем погранвойска. И мой брат — самый настоящий пограничник! Чаше всех писала Сереже письма я — одно-два письма в неделю обязательно; мама и папа тоже писали, но реже. В своих письмах домой брат был довольно сдержан, писал о разных курьезных случаях в

своей солдатской жизни, о сослуживцах. Когда пришел в отпуск, то более откровенно рассказывал о своей службе. Сережа служил на границе Азербайджана и Ирана. В 1990 году еще был Советский Союз, но страна уже трещала по швам своих границ. Из Ирана в Азербайджан, а далее в Советский Союз, полноводным потоком шла контрабанда наркотиков, а застава, на которой служил брат, располагалась на участке, где пролегала одна из удобных троп для контрабандистов. Так что служба была достаточно беспокойной, приходилось и в засадах сидеть, и нарушителей задерживать, и от контрабандистов отстреливаться. Я с замиранием сердца слушала истории брата и страшно гордилась им — в моих глазах он был настоящим героем, храбрым воином, защищавшим границу нашей Родины. Авторитет брата, и без того высокий, взлетел на недостижимую высоту.

Когда Сережа пошел работать и стал зарабатывать собственные деньги, он очень баловал меня приятными мелочами или какими-то крупными покупками. Незаметно сложилась традиция: в день зарплаты брат покупал мне и маме какие-нибудь вкусности — экзотические фрукты, мороженое, торт. Ему приятно было чувствовать себя настоящим мужчиной, добытчиком, приносящим деньги в семью. Если я просила у него денег на покупки или развлечения, брат мне говорил:

— Ты знаешь, где у меня деньги лежат? Возьми, сколько тебе нужно.

Мне было неловко пользоваться его щедростью, потому я старалась просьбами не злоупотреблять и не брать больше необходимого, ведь брат не обязан был тратить деньги на меня. Сережа сам часто предлагал мне купить некоторые вещи, например — компьютер. Мне очень хотелось иметь собственный компьютер, но я понимала, что стоит он очень много. Но стоило мне только вскользь упомянуть, что мне хочется компьютер, как некоторое время спустя брат позвал меня пойти прогуляться, и совершенно случайно мы прогулялись до магазина с бытовой техникой.

— Выбирай, какой компьютер ты хочешь, — сказал мне брат.

Это был очень приятный сюрприз, даже не ко дню рождения или к Новому году, а просто так. Я была на седьмом небе от счастья — у меня есть свой компьютер! Позже, когда появились ноутбуки, история повторилась:

— Давай, я куплю тебе ноутбук! — предлагал мне брат.

— Зачем? У меня же есть компьютер, и он вполне меня устраивает. Купи лучше ноутбук себе, — отпиралась я.

— Ты ходишь в библиотеку заниматься, там удобнее пользоваться ноутбуком. А компьютер мне отдашь, — настаивал Сережа. Меня он не уговорил, сам в конце концов купил ноутбук, мы с ним поменялись, и я стала обладательницей новенького ноутбука. Надо ли говорить, что когда в продаже появились мобильные телефоны по вменяемой цене, у меня первой в семье появился мобильник. Сережа был щедр не только ко мне, он так же баловал племянницу Оксану, дочь нашей двоюродной сестры. Когда Оксана приходила к нам в гости, Сережа обязательно давал ей денег «на мороженое», а когда

та подросла, то и «на булавки». Я только радовалась, что у меня такой замечательный старший брат, добрый и щедрый.

Наши с братом отношения были близкими на самом высоком, я бы даже сказала — мистическом уровне. Мое предположение подкрепляется одним из случаев, который с нами произошел. Однажды с мамой мы достаточно поздно возвращались из гостей домой, было около часа ночи.

— Странно, Сережи еще нет дома, — удивилась мама. Хотя чему удивляться, что парня в 28 лет нет дома — он предупреждал, что поедет к своему другу повидаться. Лето, суббота, почему бы брату и не погулять? Но при словах мамы странная тревога овладела мной. Я почувствовала, что выражение «сердце в пятки упало» — не фигура речи, а вполне конкретное ощущение. Я сама себе затруднялась объяснить, что меня так встревожило, но я чувствовала, что произошло нечто опасное. Что делать, куда бежать? Я начала метаться: с балкона, с которого виден вход в наш подъезд и часть улицы, на лоджию, с которой виден проход к дому с другой стороны улицы. Примерно минут через 40 тревожного ожидания пришел домой брат в весьма колоритном виде — рубашка разорвана, костяшки пальцев разбиты, джинсы в пятнах крови.

— Кровь не моя, — глядя на испуганную меня, предупредил брат. Шепотом, чтобы не потревожить родителей, Сережа с юмором рассказал, как к ним с другом пристали четверо хулиганов — пришлось драться. На что рассчитывали хулиганы, когда приставали к Сереже и его другу, непонятно. Брат ровно два метра ростом, косая сажень в плечах, кулаки может и не пудовые, но близко к тому. Его друг Валера поменьше в размерах, но в юности серьезно боксом занимался, так что тоже весьма опасный противник. В итоге успешно вдвоем от четверых отбились, обошлось испорченной одеждой и ссадинами. Уточнив у Сережи время, когда произошла драка, выяснилось, что это случилось примерно в то самое время, как мы с мамой вернулись

домой и обнаружили отсутствие брата. Моя беспричинная тревога имела веские основания, но у меня до сих пор нет рационального объяснения природы возникновения подобной чувствительности к опасности, грозящей брату. Просто мистика...

Чем старше мы становились, тем больше стиралась разница в возрасте между мной и братом. Теперь уже я вовлекала Сережу в круг своих интересов, своих друзей. После моего поступления в институт у меня появились сокурсники, друзья по институту, брата я брала с собой в наши компании, на студенческие вечеринки, мы вместе с моими друзьями отмечали праздники, Новый год, ездили отдыхать к нам на дачу. Я видела, что моему брату очень нравилась моя однокурсница, и я надеялась, что между ними завяжутся отношения, но не сложилось.

В молодежных компаниях, где мы бывали вместе с братом, у меня часто спрашивали: «Это кто, твой парень?» Я с гордостью отвечала: «Нет, старший брат!» В моих глазах статус брата был намного выше статуса «моего парня», потому что отношения с парнем могли легко расстроиться из-за пустяка, с парнем можно поссориться и расстаться, а отношения брата и сестры гораздо прочнее, мы связаны узами крови, такую связь намного сложнее разорвать. И мне было спокойнее и надежнее под покровительством брата. Его же спокойствие нарушилось, когда я впервые по-настоящему влюбилась. Брат крайне тяжело воспринял тот факт, что он перестал быть для меня единственным центром вселенной, что кто-то другой претендует на мое внимание, что мне может быть с кем-то интереснее, чем с ним. Сережа не обмолвился ни словом, но по его поведению было заметно, как ревностно он относится к понижению своего статуса в моих глазах. В пылу влюбленности я не замечала молчаливых страданий брата, пока однажды он по поводу моего молодого человека не сказал:

— Как же я ненавижу его за то, что ты его так любишь!

Я была поражена, на какое глубокое чувство ревности способен такой спокойный и флегматичный мой старший брат! В дальнейшем, стараясь оградить Сережу от подобных потрясений, я перестала с ним делиться своими большими и малыми радостями или горестями, что обижало его еще больше. Но я ощущала потребность в собственном личном пространстве, куда не хотела допускать даже любимого брата. Видимо, выросла и повзрослела, научилась разделять границы и опираться на собственные ресурсы.

К сожалению, отношения с молодым человеком не сложились. Я чувствовала, что и в родительской семье мне стало тесно, хотелось перемен в жизни, новых целей и планов. Потому я решилась уехать из отчего дома в другой город учиться и работать. На семейном совете брат меня поддержал, хотя очень переживал, как я буду одна в чужом городе без опеки и поддержки. Но я настроена была решительно, и таким образом в 23 года уехала из родительского дома в самостоятельную жизнь.

Поначалу я очень скучала по родителям, брату, старым друзьям, потому часто приезжала домой. Потом новые впечатления, новые знакомые, работа, учеба захватили меня с головой, появились новые друзья, и в родительский дом я стала приезжать реже. Конечно, можно поговорить по телефону, но это совсем не то же самое, как устроиться дома на уютной кухне, налить в любимую кружку чашку чая и спокойно, обстоятельно и задушевно поговорить. Такие посиделки с братом происходили все реже и реже, все меньше оставалось точек соприкосновения, и постепенно мы стали отдаляться друг от друга.

На некоторое время мы вновь сблизились после произошедшей трагедии — погиб его лучший друг Валера, с которым брат дружил еще с первого класса. Как так случилось, что Валера выпал из окна пятого этажа и разбился насмерть, до сих пор неизвестно. Просто в один момент не стало веселого, доброго, очень хорошего парня, лучшего друга. Сережа посерел и осунулся, даже стал как будто меньше ростом. Потерю лучшего друга он переживал очень тяжело, и хотя на похоронах старался держаться и не показывать своего горя, но когда мы возвращались с кладбища, с горечью сказал:

— Вот я и осиротел. Теперь мне и поговорить не с кем.

Утрату друга брат воспринял как собственное сиротство. Если существует настоящая мужская дружба, то Сережа и Валера являлись наиболее ярким ее примером. Крайне редко кто умеет дружить с самого раннего детства, еще с того момента, как впервые сели вместе за школьную парту, пронести дружбу через всю жизнь и сохранить ее до момента ухода одного из друзей. Для брата это был чрезвычайно сильный удар. Он не одного уже друга потерял и это были уже не первые похороны, но все же смерть самого близкого друга Сережу подкосила. Внешне в его поведении это мало в чем выражалось, но у брата потухли глаза. Ему все стало неинтересно, его было трудно чем-нибудь зацепить, вызвать в нем какую-либо эмоцию. Даже разозлить было невозможно. Все тонуло в вязкой апатии, поглотившей брата.

Мои попытки его растормошить, вывести из этого состояния ни к чему не приводили. Вынырнуть из глубокого безразличия брата вынудила другая беда, произошедшая в семье — маме поставили диагноз «онкология». Произошло все очень внезапно: маме резко стало плохо, и ее с кровотечением на машине скорой помощи забрали в больницу. А дальше — сложная операция, крайне тяжелое состояние, шансы выжить 50 на 50. К счастью, все обошлось. Кризис миновал, и далее был долгий период послеоперационного восстановления. Диагноз «онкология» потребовал полной

мобилизации от меня, папы и брата в помощь не только маме, но и друг другу. Нам всем вместе пришлось пройти от операции, химиотерапии, тяжелейшего осложнения после нее, долгого периода реабилитации к стойкой ремиссии и восстановлению. И Сережа, и папа были очень напуганы страшным диагнозом, тем более врачи постарались в красках расписать все ужасы болезни, снимая с себя всяческую ответственность за результат лечения. Приводя в чувство реальности папу и брата, я ловила себя на мысли, что начинаю говорить с ними как терапевт с клиентом на консультации, а не как любящая дочь и сестра. Труднее всего мне пришлось именно с папой и братом, мама намного спокойнее приняла свою болезнь, причем умудрялась, лежа на больничной койке, успокаивать собственного лечащего врача и подбадривать нас. Все вместе мы справились с испытанием, выпавшим нашей семье.

Через год после объявления диагноза, когда все самое тяжелое осталось позади и я думала, что ничего страшнее с нами уже не случится, жизнь нанесла другой удар. Позвонил начальник с Сережиной работы и сообщил, что на работе Сергей получил серьезную черепно-мозговую травму, его увезли в больницу. Была долгая операция, после которой брат не вышел из комы; врачи отводили глаза и давали расплывчатые прогнозы — площадь поражения слишком велика, будем делать все возможное. Две недели прошли в метании от робкой надежды после малейших улучшений в один день до отчаяния от появления осложнений на день следующий. А через две недели после операции брата не стало...

О случившемся я узнала первой, и мне пришлось самой сообщить страшную весть родителям. Есть ли ужаснее доля для родителей, чем потерять своего сына? Я долго собиралась с духом, прежде чем сказать о смерти брата, мне самой нужно было осознать происшедшее. Разве можно поверить в то, что Сережи больше нет в живых? Брат в моей жизни был всегда, я не знаю такого времени, когда бы его не было. Даже если брата не было рядом, его любовь, внимание и забота окутывали меня незримым коконом, надежно укрывая меня от больших и маленьких неприятностей и житейских бурь. Как же я буду теперь сама, без него? Неужели больше никогда не будет наших разговоров, посиделок за чаем, совместного кино, одной книжки на двоих, взаимных шуточек, хождения в гости, поездок на дачу и многого-многого другого, что было у нас? Как такое может быть, как? Но пришлось принимать новую реальность, в один момент стать не только старшей, но и единственной опорой в потере для родителей. От горя в

один день постарела мама, заметно сдал отец. Оберегая родителей от лишних потрясений, я постаралась взять на себя большую часть хлопот с погребением, поминками, другими организационными моментами. Мне помогали наши родственники и мои друзья, но, занимаясь похоронами, я все время ловила себя на мысли: неужели это последняя дань, которую я могу отдать своему брату? Последнее, что я могу для него сделать, а далее остается лишь молиться о нем? Даже сейчас, спустя 5 лет после смерти брата, мне тяжело писать о своей утрате и осознавать, что его со мною больше нет.

Оглядываясь назад, на детство свое и брата, я пыталась понять, в чем была основа наших с ним близких отношений? В первую очередь, я думаю — Сереже вполне хватило внимания и любви взрослых в период раннего детства. Были любящие мама и папа, бабушка и дедушка, которые в тот момент жили все вместе. Особенно дедушка — он во внуке души не чаял, очень любил и баловал. К сожалению, я дедушку не застала, он умер за два года до моего рождения, но мама рассказывала, что своим характером, привычками и даже некоторыми словечками Сережа очень похож на деда Ивана. О самом дедушке родные отзывались как о добрейшем души человеке, вырастившем и опекавшем двоих младших братьев в голодные 30-е годы. Моя прабабушка не могла содержать младших детей и отдала их в детский дом. Дедушка поначалу навещал братьев в детском доме, а когда смог, забрал их жить к себе. Трое братьев на всю жизнь сохранили хорошие отношения и поддерживали друг друга, так что были определенные семейные традиции отношения старшего брата к младшим, которые дедушка явно либо неявно передал внуку.

Еще один немаловажный фактор, который сыграл свою роль — Сережа сам просил о младшей сестре. Я родилась в тот момент, когда он хотел заботиться о младшей сестренке и был готов принять на себя роль старшего брата. Потому изначально мое появление было брату в радость, и многие хлопоты и заботы не были для него тяжелой повинностью. Желание и готовность брата совпали с моим появлением и стали той основой, на которой развивались наши взаимоотношения. Когда мне было лет 10, я спросила у Сережи, почему он хотел именно сестру, а не брата.

— А что интересного в брате? Он такой же, как и я, с ним пришлось бы делиться своими игрушками и вещами. А вот девочки совсем другие, со своим собственным миром, с платьицами, косичками и куклами, мне интереснее было узнать этот мир глазами сестры, — ответил Сережа.

Я была еще ребенком, но уже тогда я накрепко запомнила слова брата, что я для него — целая вселенная, загадочная и интересная.

В том, что между нами сложились именно такие отношения, во многом заслуга брата, ведь будучи старшим, именно он создавал ту среду, в которой мы с ним росли. Но была и моя лепта, которую я вносила в наши отношения. Например, я никогда не ябедничала родителям на брата. Что бы ни делал Сережа со своими друзьями, какими бы запретными или опасными ни были их шалости, родителям я ничего не рассказывала. Даже когда мальчишки баловались с огнем и обожгли мне руку, я пришла домой с ожогом и рыдала от боли в три ручья, но на расспросы родителей молчала как партизан на допросе и брата не выдала. Тот сам объяснял, что произошло, но главное, что родители узнали о происшествии не от меня. Разве можно подвести любимого брата и наябедничать — его же тогда за игры с огнем строго накажут! А я не хотела, чтобы Сережу наказали из-за меня, пусть даже за молчание придется заплатить собственным ожогом, пустяковым на самом деле.

Потому нет ничего удивительного в том, что мальчишки принимали меня в свою компанию не только потому, что я Сережина сестра. Была в том и моя собственная заслуга. Мои слова может подтвердить вопрос, который как-то задала моя мама

Сережиному другу Валере, почему он не берет с собой гулять свою младшую сестру, которая была на год старше меня.

— Да, Сереже хорошо, у него Наташка не вредная, ее можно с собой брать. А моя Олька плакса и ябеда, — отвечал Валера. Лучший комплимент от друга своего брата сложно было придумать.

Другой немаловажный фактор наших отношений с братом заключался в том, что родители чаще всего не вмешивались в наши игры или наши ссоры, предоставляя нам самим улаживать свои конфликты. Установка была следующая: брату говорили «она младше, она девочка, уступи сестре», а мне — «он старше, он тебя любит, слушайся брата». Как правило, срабатывало безотказно, мы тут же прекращали ссориться и начинали мириться. Если же родители вмешивались, то невольно провоцировали нас на конфликты. Один показательный случай такого вмешательства касался моей учебы еще в 1 классе. Брат учился блестяще, мне всегда ставили в пример его успехи и требовали от меня не меньшего. Его прописи первоклассника были столь идеальны, что учительница попросила дать Сережину тетрадь на школьную выставку. У меня же писать так безупречно не получалось, и после очередных маминих слов «старайся, видишь как Сережа красиво писал, на одни пятерки», я в знак протеста достала старые тетради брата и наставила ему в тетрадях двоек и троек. Родители были в шоке, а брат лишь посмеялся над моей выходкой. Самое интересное, что в средних классах школы почерк у брата испортился и далее всю жизнь он писал «как курица лапой», а у меня почерк, наоборот, выровнялся, и в институте сокурсники выстраивались в очередь переписывать мои конспекты, поскольку я писала подробно и разборчиво. Если родители просили что-то сделать по дому вне наших обычных обязанностей меня или брата, то мы могли стать в позу: «Почему я?» В отсутствие же родителей, когда они уезжали отдыхать или на дачу, у нас никогда не возникало споров о домашних обязанностях — кому в магазин идти, кому обед готовить, кому с собакой гулять. Распределяли обязанности поровну или просто делали вместе — никаких проблем.

Соперничали ли мы с братом за внимание родителей? Пожалуй, нет. Мы четко знали, что Сережа мамин сын, а я папина доченька, и беззастенчиво этим пользовались. Если брат хотел получить послабления от папы, то подсылал меня просить за него, прекрасно зная, что своей любимице папа ни в чем не откажет. А если я хотела получить что-нибудь от мамы, то просила брата выступить в качестве парламентаря и попросить желаемое. Ни разу наша детская манипуляция родителями не дала сбой, хотя они, скорее всего, обо всем догадывались.

Если подытожить все сказанное обо мне и Сереже, то я могу сказать, что наши с братом отношения строились на беззаветной любви, опеке, заботе с его стороны и на бесконечном восхищении и благодарности с моей стороны. Мы были твердо уверены друг в друге, в том, что ни один из нас не предаст, не обманет, не сделает нарочно другому больно. Брат для меня, а я для него — надежный тыл, опора и поддержка.

Описывая себя и брата, я стремилась быть объективной и писать правдиво только то, что отчетливо помню из детства, или то, что было записано в моем дневнике, который я вела с 13 лет. Я не пыталась ничего приукрашивать. Наоборот, множество историй о поступках брата по отношению ко мне или другим людям остались вне этой краткой автобиографии. Я очень надеюсь, что мое стремление к объективности позволяет мне видеть и обратную сторону наших отношений с братом.

Как ни странно прозвучит, но мы оба оказались ранеными искренней любовью и привязанностью друг к другу. Да, любовь тоже может ранить не хуже ссор, обид, ревности и ненависти, просто раны эти несколько другого свойства, и потому их сложнее обнаружить. Те отношения, что сложились между мной и братом, были идеальны для нашего детства, но отбросили длинную тень на нашу дальнейшую жизнь и сильно затруднили построение партнерских отношений вне родительской семьи. Сережа так и не женился, даже ни разу ни одну девушку не приводил знакомиться и не

представил как свою пару. Мы никогда с ним этой темы не касались, поэтому причины подобного его поведения мне неизвестны, а строить предположения я не стану. Хотя с девушками Сережа встречался весьма активно, но об этом я узнавала от общих знакомых, а не от него самого. О себе могу сказать, что я оказалась в плену идеализации брата и всех мужчин в своей жизни рассматривала сквозь призму старшего брата. Такой ли высокий, такой ли красивый, такой ли умный, щедрый, внимательный, заботливый — и далее по длинному списку. Ни один реальный человек не выдержит сравнения с идеалом, потому никто до той высокой планки любви, что задал брат, и не дотягивал. Интуитивно я пыталась выйти из симбиотической связи с братом, перестав рассказывать о своих отношениях с молодыми людьми, даже уехала жить в другой город, но эталонный образец брата в моих глазах всегда был со мной. Понадобилось очень много времени, ошибок, слез и тяжелой внутренней работы, чтобы научиться видеть и ценить реального человека, с его достоинствами и недостатками, а не сравнивать с детским идеалом. Таким образом, слишком сильная любовь и привязанность может порождать наваждения, искажающие реальность.

Я бесконечно благодарна старшему брату за свое детство, за его дружбу, любовь и заботу, которыми он щедро одаривал меня, не требуя ничего взамен. Мне безмерно жаль, что жизнь его была так коротка, что Сережа ушел слишком рано. Со временем боль утраты лишь немного притупилась, но я готова принять эту боль, если она является платой за то, что в моей жизни был такой замечательный старший брат.